

Петр Алексеевич Слепцов

DOI: 10.25693/IGI2218-1644.2018.03.24.011

УДК 811.512.157

О некоторых проблемах якутского литературного языка

Истоки современного якутского литературного языка были заложены в XIX в. Еще в 1940-х гг. Е.И. Убрятова писала, что обогащению литературного якутского языка способствовало и то, что в него вошло все созданное ранее якутским народом – небольшой дореволюционный опыт литературного языка, остававшегося на границах разных прогрессивных изданий и богатый опыт устного литературного языка и замечательного якутского фольклора.

Истоки якутского литературного языка можно обнаружить в «Воспоминаниях» А.Я. Уваровского (1848), в миссионерских учебниках для якутов, в переводах церковных книг, в «Образцах народной литературы якутов», издаваемых Э.К. Пекарским.

Якутские письменные тексты, рассчитанные на более широкий круг читателей, находим в якутских отделах первых газет, в первом якутском журнале «Саха саната». На страницах этих изданий были напечатаны первые произведения писателей А.Е. Кулаковского, А.И. Софронова, К.О. Гаврилова, В.В. Никифорова, хорошо обработанные фольклорные произведения, собранные С.А. Новгородовым.

Большинство оригинальных публицистических статей в этих газетах и журнале отличаются сочным, выразительным, эмоционально-экспрессивным стилем, в нем органически слились три стихии: непринужденная разговорная речь, обобщенные формы народного обработанного наддиалектного выражения – языка фольклора и ораторской речи. В целом следует заключить, что в этих изданиях появились первые, вполне выразительные ростки особого публицистического стиля – на красочный, орнаментальный, иногда даже аллитерированный

© П.А. Слепцов, 2018

ритмический слог накладываются довольно заметные выражения письменно-литературного происхождения, терминологическое употребление якутских слов, их активизация в контекстах, придающих им необычный в обиходно-разговорной речи социально-политический смысл (таковы например слова типа көнүл 'свобода'; кырдык 'правда'; тэҥ быраап 'равноправие', саҥа (эргэ) олох 'новая (старая) жизнь' и пр.др.).

Судьбы языков, их «самочувствие», развитие и расцвет целиком зависят от состояния и перспектив того или иного литературного языка. В наше время и в будущем «просто» обыденный бытовой разговорный язык не имеет большой перспективы.

Национальный литературный язык является объединяющей, сплачивающей нацию силой, обеспечивает преемственность поколений и поступательное развитие самой нации по пути прогресса и цивилизации. Таким образом, национально-общественное, социально-культурное значение развитого литературного языка трудно переоценить.

Ключевые слова: литературный язык, истоки литературного языка, дореволюционный опыт литературного языка, письменные тексты, язык фольклора, ораторской речи, выражения письменно-литературного языка, терминологическое употребление слов.

Зарождение литературного языка в недрах письменной литературы имеет объективный и стихийный характер в том смысле, что при этом никто не задается специальной целью создавать, созидать литературный язык. Просто к письменному языку существуют определенные требования, более ответственное, более серьезное отношение: письменный текст, книга рассчитаны на длительное время и на разнообразных читателей, и потому пишущие работают не только над содержанием, но и языком своих творений, чтобы быть понятыми адекватно, как можно точнее. При этом следует учесть и то, что в обыденном разговоре слова и их значения мы употребляем часто как бы «на глазок», довольно приблизительно. И этого бывает достаточно, так как взаимному пониманию собеседников помогают интонация, тембр голоса, мимика, жесты, которые иногда более выразительны, чем слова. Автор письменного текста лишен всех этих средств передачи дополнительной информации, и ему остается, чтобы быть понятым адекватно самыми различными читателями и на большие расстояния во времени и пространстве, сосредоточить свои усилия на подборе языковых средств. А это и есть магистральная линия развития любого литературного языка, над которым довлеет основная, фундаментальная функция – быть средством универсального общения.

Таким образом, литературный язык – коллективное творение, результат коллективного спонтанного стремления к обработке, шлифовке, отбору наиболее выразительных, общих (общепонятных) и в то же время наиболее точных, ем-

ких языковых средств в письменной литературе. И каждый автор идет в этом направлении по своему, в меру своего таланта, интеллектуальных сил и знания языка народа. И постепенно в недрах письменной литературы накапливается новое качество языка – языка книжно-письменного, интеллектуального, обогащенного новыми значениями, оттенками и нюансами, золотыми россыпями устойчивых сочетаний и фразеологии. Это язык с обработанными, отшлифованными значениями лексики и фразеологии, грамматическими формами и категориями и, что очень важно, подвергнутый всем развитием письменной литературы и научных, интеллектуальных знаний относительной объективации и экспликации. И потребители книги, может быть, сами того не замечая, в различной мере усваивают это богатство и начинают обогащать им свою речь. Еще великий Вольтер говорил, что, читая авторов, которые хорошо пишут, люди привыкают хорошо говорить. Именно имея в виду книжно-письменное интеллектуальное качество литературного языка, гениальный Пушкин решительно заявлял, что письменный язык оживляется поминутно выражениями, появляющимися в разговоре, но не должен отрекаться от приобретенного им в течение веков. Нынешним поклонникам безбрежной разговорной стихии стоило бы задуматься над этими словами великого поэта и преобразователя русского литературного языка. Однако очень важно подчеркнуть, что накопление признаков литературного языка в недрах письменной литературы, последующая их кристаллизация для основной массы

имеют скрытый, подспудный или, лучше сказать, глубинный характер. И по мере осознания литературного языка и его социально-культурного значения появляются так называемые его нормализаторы, обычно энтузиасты-подвижники, одержимые идеей извлечь из толщи книжно-письменной литературы эти качества литературного языка и раскрыть для общества это извлеченное богатство с той полнотой, какую позволяют накопленная письменная литература, языковой вкус, интуиция, знание народной культуры и письменной литературы.

Таким образом, развитие литературного языка имеет двустороннюю природу – объективную, или объективно-стихийную, и сознательную. Последнее, как правило, появляется позже, по мере накопления качеств и свойств литературного словоупотребления в недрах письменной литературы. Таков в концептуальном плане процесс становления литературного языка. Этот путь естественный, объективный, но очень длительный.

Однако в развитии литературных языков бывают счастливые исключения из этого общего правила. История филологии знает случаи, когда выдающиеся деятели культуры, писатели, филологи и общественные деятели начинают упорно, целеустремленно вырабатывать основы литературных языков. И если подобная работа ведется с широким размахом и в перспективном направлении, и если для дальнейшего ее развертывания имеются благоприятные условия и произведения, язык которых сознательно устремлен на литературную нормализацию и которые получают большой резонанс в обществе, то процесс зарождения и становления литературного языка значительно ускоряется.

Вся деятельность А.Е. Кулаковского является подтверждением этого положения.

В лице А.Е. Кулаковского крупнейший национальный поэт, филолог, языковед и этнограф слились в одно неразрывное единство, дополняя и обогащая друг друга.

При этом особенно важно то, что А.Е. Кулаковский очень рано и глубоко понял судьбоносное значение родного языка для будущего якутского народа. Прекрасно изучив общие закономерности, сильные и слабые стороны якутского языка («Я уже тридцать лет изучаю родной язык, вдумывался в его лабиринты, сравнивал его со знакомыми мне языками», – писал он в

1925 г.), он направлял усилия на то, чтобы родной язык достиг высоких вершин в своем развитии, чтобы на нем можно было творить художественные ценности и свободно выражать все понятия культуры, науки и цивилизации. И это закономерно привело А.Е. Кулаковского к широкой постановке проблем якутского литературного языка. Специально не занимаясь теоретическими вопросами литературного языка (он даже сам не употреблял термин «литературный язык», отчего суть дела не меняется), А.Е. Кулаковский тем не менее, поняв огромное социально-культурное значение и сущность литературного языка, направил свое поэтическое творчество и филологические изыскания на то, чтобы заложить широкие демократические основы национального литературного языка. В этом своем устремлении А.Е. Кулаковский был исключительно цельным, последовательным и в поэтическом творчестве, и в лингвистических работах [Кулаковский, 1925].

После А.Е. Кулаковского лидером по развитию и стабилизации норм якутского литературного языка, бесспорно, стал П.А. Ойунский.

Успешному внедрению в жизнь созидательной языковой политики содействовало то, что П.А. Ойунский был до 1926 г. главой руководства республики, подлинным духовным лидером народа, ставшим еще тогда человеком-легендой, имевшим огромный авторитет. И если такой лидер самолично организует коренизацию – это и есть решающее условие успеха дела реализации всей языковой политики.

Как показывает история мировой социолингвистики, созидательная языковая политика и языковое строительство эффективно внедрялись в жизнь в относительно короткие сроки только тогда, когда эту работу возглавляла и контролировала поддержанная широкой общественностью сама государственная власть в лице ее лидеров. Тому примеров много. Достаточно вспомнить деятельность на этом поприще первого Президента Республики Турция Кемаля Ататюрка, который, в упорной борьбе сломив отчаянное сопротивление мусульманских фундаменталистов, перевел турецкую письменность с арабского на латинский, возглавил, как принято считать, настоящую «языковую революцию» по очищению турецкого языка от засилья арабско-персидских слов (в литературном

языке их число доходило до 90%), приближению литературного языка к турецкому народно-разговорному языку и развитию терминологии из собственных ресурсов языка. Такова решающая роль руководящих лидеров в осуществлении языковой политики. И это понятно: язык – средство общения всего народа, и потому только государственная власть, носящая всеобъемлющий характер и воздействующая на все стороны жизни общества, способна реально и эффективно влиять на направление развития общественных и культурных функций языков.

П.А. Ойунский и в 1920-х гг. был не только главой республики, но уже известным писателем, публицистом и ярким народным трибуном, виртуозно владевшим якутским красноречием. Известно, что он по вопросам языковой политики неоднократно выступал публично, ездил по улусам, оставил программные статьи огромной интеллектуальной и мобилизующей силы.

Большое значение во внедрении в жизнь позитивной языковой политики имело то, что П.А. Ойунский на своем высоком посту главы правительства сплотил вокруг себя соратников-единомышленников, которые неизменно его поддерживали. Так, секретари ОК РКП(б) И.Н. Барахов и Е.Г. Пестун написали ряд жестких статей по этому вопросу. Первый секретарь Якутского обкома РКП (б) Е.Г. Пестун в ноябре 1923 г. напечатал передовую статью в газете «Автономная Якутия» под характерным названием «Дорогу якутскому языку!», где он в директивной форме писал: «Ближе к массам – значит обслуживать нужды якутского населения на родном языке. Но уже сейчас безотлагательно приступить к внедрению якутской грамоты среди советских работников, учителей, учащихся и в первую голову среди улусных рабочих, членов РКП и РКСМ. Через некоторое время лицо, не владеющее якутским языком, не имеет права служить в советском учреждении» [Пестун, 1923]. В такой же жесткой форме написал целый ряд статей И.Н. Барахов [Барахов, 1922; 1924] Очень убедительной является статья самого П.А. Ойунского «О целях якутизации» [Ойунский, 1924]. Автор считает, что советская власть становится родной и кровной для трудящихся. Аппарат власти должен соответствовать существу, содержанию самой власти. Поэтому «якутизация» становится «первейшей и неизбежной» государственной за-

дачей в республике. Якутизация органов управления даст возможность трудящимся активно принимать участие в строительстве социалистического общества.

Решающее значение в успешной коренизации государственного аппарата, национальной школы, проведении всей культурной революции имели решительный перелом в политике власти по отношению ко всему населению и устранение архилевацкой, по существу антинародной, политики прежнего руководства, приведшей к разрастанию Гражданской войны до масштабов национального повстанческого движения. В данном случае к нашему сюжету прямое отношение имеет резкий поворот руководства во главе с П.А. Ойунским к национальной интеллигенции. Бережное отношение к ней, политика привлечения к просвещению, культурной работе всей интеллигенции, в том числе беспартийной и на первых порах не принявшей советскую власть, – в этом нельзя не видеть мудрость, дальновидность П.А. Ойунского, который даже обращался к отдельным крупным представителям, дореволюционным деятелям, тойонам (например, В.В. Никифорову). Без интеллигенции, без учителей, образованной элиты невозможны никакая коренизация, реализация самой демократической языковой политики, а не то, что просвещение сплошь неграмотного темного народа.

Первый Всеякутский учредительный съезд Советов (декабрь 1922 г.), принимая во внимание то, что автономия знаменует собой начало культурного возрождения якутского народа, принял специальное постановление, гласящее, что народный комиссариат просвещения является учреждением, имеющим «наиважнейшее значение для Якутии». В этой связи следует подчеркнуть, что вышеприведенный призыв П.А. Ойунского, не жалеть сил и средств на организацию всеобщего просвещения и всеобщей грамотности, не был просто словами. Известно, что для нужд наркомпроса выделялось до 35% бюджета. В те времена тяжелой разрухи выкроить такую сумму – для этого надо было иметь глубокое понимание жизненной важности культуры и мудрую дальновидность, твердую уверенность в ее благих последствиях.

Как видно из документов, была проведена огромная практическая работа, нацеленная на коренизацию (или якутизацию) госаппарата,

всех учреждений и организаций, подготовку кадров, владеющих якутским и русским языками, не говоря о той сложнейшей работе, которая сопровождала внедрение в начальную и особенно семилетнюю национальные школы якутского языка как языка обучения по всем предметам. Однако следует упомянуть такой очень важный и примечательный факт. П.А. Ойунский, будучи председателем Президиума ЯЦИК, завел порядок отчетности всех наркоматов, руководителей учреждений и предприятий республиканского значения о состоянии и ходе коренизации во вверенных ему учреждениях. Вопросы готовили специальные комиссии или уполномоченные ЯЦИК, на местах проверявшие состояние работы. Такая практика стала традиционной (особенно интенсивной она была в первой половине 1930-х гг.) и не прерывалась вплоть до начала 1938 г. Имеется большое количество дел, папок, последние из которых помечены 1938 г. (возможно, под конец уже по инерции). И такая работа возымела действие. Так, в отчете начальника управления связи (едва ли жестко подчиненного республиканским властям), сделанном в июне 1935 г., говорится, что на якутском языке работают телеграфы в Сунтаре, Нюрбе, Вилюе, Мае, Мухтуе, Намцах, Покровске.

Хотя осуществление языковой политики в деталях не изучено, но, по некоторым данным, в ее проведении встречались огромные трудности. Основная причина – это катастрофическая нехватка (особенно в первые годы) кадров и учебных пособий. Надо полагать, что коренизация заметные успехи делала в основном только в якутоязычной среде, а где преобладали русскоязычные, о массовом усвоении якутского языка не могло быть и речи.

Внедрение якутского языка во все общественно важные сферы или, как теперь принято говорить, расширение общественных и культурных функций языка до уровня, близкого к государственному, непременно предполагает новое качество языка – его литературную форму. Государственный язык – это литературный язык национального типа. Чтобы выполнить свое высокое назначение – обеспечить созидательную языковую политику, литературный язык должен иметь хорошо отработанный алфавит, адекватно отражающий звуковые особенности языка, простую надежную орфографию, развитую тер-

минологию по различным отраслям знаний и достаточно гибкую, точную стилистическую систему. Без этого целеустремленная созидательная языковая политика не может быть достаточно эффективной. Поэтому разработка всех этих важнейших элементов литературного языка является составной частью языковой политики, и это хорошо видно из положения о Совете по языковой политике, принятого указом Президента РС (Я) в наше время.

В отработку всех важнейших элементов литературного языка решающий вклад внес П.А. Ойунский. Он организовал и возглавлял первый Совет якутской письменности с широкими полномочиями, затем Комитет якутской письменности, Якутский комитет новотюркского алфавита, который организовал переход якутской письменности на унифицированный тюркский алфавит, перевод и издание учебников и другой литературы на якутском языке. П.А. Ойунский был председателем научно-исследовательского общества «Саха кэскилэ», затем в 1935 г. стал директором Научно-исследовательского института языка и культуры. Многочисленные архивные материалы свидетельствуют о том, что П.А. Ойунский лично провел огромную работу по усовершенствованию и стабилизации алфавита, разработке теоретических принципов и правил орфографии, основ терминологии и создал первый крупный терминоорфографический словарь.

Кратко рассмотрим сущность и эволюцию позиции П.А. Ойунского по этим важнейшим вопросам литературного языка. С высоты сегодняшнего дня, современных реалий к деятельности П.А. Ойунского со второй половины 1930-х гг. существует неоднозначное отношение.

П.А. Ойунский хорошо понимал недостатки новгородского алфавита и его системы письма, но исходя из высших принципов стабилизации, как основы, литературного языка и с ним всей духовной культуры народа относился к нему очень бережно и вплоть до марта 1929 г. (до перехода к унифицированному новотюркскому алфавиту) его защищал и одновременно, не покладая рук, работал над его усовершенствованием. Общее мнение якутской общности об историческом значении системы письма С.А. Новгорода выразил П.А. Ойунский в следующих словах: «Транскрипция Новгорода была величайшим орудием культурной

революции среди трудящихся масс неграмотной, отсталой Якутии».

Самыми спорными, до сих пор обсуждаемыми проблемами являются вопросы терминологии и орфографии. Среди них особенно горячие споры вызывают соотношение заимствуемых и исконных терминов и проблемы их орфографирования. Эти вопросы стали оживленно обсуждаться и разрабатываться со второй половины 1920-х гг. П.А. Ойунский, возглавлявший Комитет якутской письменности, затем Якутский комитет новотюркского алфавита, имел осторожную и достаточно взвешенную позицию по этим вопросам. Так, он считал необходимым использовать все богатство якутского языка, в том числе диалектизмы, архаизмы, специфическую лексику из народной терминологии и номенклатуры. Он также считал допустимым задействовать термины из собственных ресурсов наряду с заимствованными параллельно – речевая практика, развитие литературного языка со временем определяют более жизнеспособные варианты; перенимать из русского языка и интернациональные термины, выражающие лишь принципиально новые понятия, для которых нет слов в родном языке. По его твердому убеждению, все термины должны перениматься в фонетизированном виде, подчиняя их жестким законам якутской фонетики и грамматики. Но уже через год П.А. Ойунский сделал оговорки относительно некоторых отступлений от жестких законов фонетизации заимствуемых слов типа Маркс, гиэмиэтирийэ, гиэгирээпийэ, маркысысыым; о возможности перенимать буквы ф, ж, з, как это делается в других языках. В основной теоретической работе, написанной в духе «нового учения о языке» акад. Н.Я. Марра, наряду с верными и перспективными положениями, Платон Алексеевич сделал крен в сторону более свободного заимствования русских и интернациональных терминов, а также предложил «в пределах звуковых возможностей» осуществить «приближение национальных и интернациональных обликов терминов».

Но более резкий поворот в осмыслении дальнейших путей развития якутского литературного языка у П.А. Ойунского произошел в 1936 г. В своей речи на III сессии ЯЦИКа VIII созыва недавно приехавший из цитадели марксизма – из аспирантуры Института националь-

ностей, где директором был акад. Н.Я. Марр, первый кандидат лингвистических наук дал новую установку о путях развития литературного языка в ортодоксальном духе нового учения о языке акад. Н.Я. Марра. Сущность его установки в том, что якутский литературный язык в тисках отсталой фонетической системы переживает огромные трудности в своем развитии. Оратор особо подчеркивает, что мы пишем, изменяя по фонетическим законам нашего языка научно-технические, философские, политические термины, которые все народы употребляют без изменения формы. Язык сильно обогатился в процессе социалистического строительства, в результате чего обнаружилась узость, стесняющая характер фонетической системы. Обогащение языка, его развитие показали, что в нем внедряется, укрепляется морфологическая система, ее законы. Литературный язык, чтобы быть устойчивым, стабильным, должен выйти из узких рамок фонетизма, и потому предлагается пересмотреть алфавит и принципы орфографии. Предлагается принять запасные буквы, рекомендованные еще в 1929 г. ЯЦИКом, обозначающие русские звуки. Придавая огромное значение развитию литературного языка, П.А. Ойунский предлагает вопросы алфавита, орфографии и терминологии решить незамедлительно.

Все последующие выступления П.А. Ойунского по этим вопросам были, с некоторыми оговорками и детализацией, дальнейшим развитием, обоснованием положений этой его речи.

Таким образом, П.А. Ойунский вплотную подвел принципы якутской орфографии и терминологии к тем, которые у нас действовали до середины 1980-х гг. Однако если вникнуть в истоки подобной метаморфозы в важнейших вопросах якутского литературного языка лидера языкового строительства 1920–1930-х гг., то можно указать на объективные и субъективные ее корни и предпосылки [Слепцов, 2003].

Это, во-первых, рано начавшиеся политические репрессии. О них в последние годы написано много, и нет необходимости вновь возвращаться к этому. В условиях нагнетания борьбы с так называемым «местным национализмом и правым уклоном» огромный вред нанесло положение «единственного гениального ученого-марксиста» акад. Н.Я. Марра о классовом харак-

тере языка и языке как надстройке. Это положение Марра в обнаженной и прямолинейной форме господствует и в материалах конференций, и во всех дискуссионных статьях. Школьные программы призывали к борьбе с «классово чуждыми словами», с трибуны языковедческой конференции говорилось о «языке феодальной родовой идеологии, которым увлекается кое-кто из писателей». В статьях и выступлениях Г.В. Ксенофонтова говорилось о скорейшем взрыве якутского языка, ибо «каждая новая социально-экономическая формация должна иметь свой собственный язык». Дело доходило до того, что некоторые горячие головы предлагали создать «новый пролетарский якутский язык и грамматику», отбросив «в хлам истории феодально-байский язык и буржуазные грамматики Поппе и Кюнде». Хотя такие заявления всерьез не воспринимались, но царивший ультракоммунистический ажиотаж среди очень далеких от лингвистики людей вокруг проблем языка пагубно влиял на принятие взвешенных решений по этим сложным вопросам. П.А. Ойунский, всего лишь аспирант, начинающий языковед, естественно, находился под гипнотизирующим влиянием академика Н.Я. Марра и его нового учения о языке, которое превозносили выдающиеся ученые, общественные и политические деятели, кумиры публики тех лет, такие, как А.В. Луначарский, В.Я. Брюсов, Н.И. Бухарин, М.Н. Покровский, А.М. Деборин и многие другие прославленные ученые и крупные деятели.

Почти господствовавшее мнение о революционном развитии якутского языка явилось основой для введения так называемого «морфологического принципа» в орфографию и пресловутой борьбы с «реакционным нутром фонетической орфографии», а также введения букв, обозначающих русские звуки. Подобные настроения породили негативное отношение к практике создания терминов из собственных ресурсов языка. Основным путем развития якутского литературного языка признавалось заимствование русских и интернациональных терминов. Якутские, из собственных ресурсов, объявлялись служебными, призванными пояснить смысл «настоящих» русских и интернациональных терминов. В данном случае, видимо, проявлялось также негативное влияние недавних репрессий по отношению, в частности, к

соратнику П.А. Ойунского по языковому строительству Г.В. Баишеву.

Профессиональный языковед-тюрколог, воспитанник Ленинградского университета и писатель Г.В. Баишев (Алтан Сарын) предложил оригинальный путь развития якутского литературного языка прежде всего путем создания терминов из собственных ресурсов языка. Будучи ученым секретарем Комитета якутской письменности, он разработал принципы и способы создания терминов и сам создавал множество терминов. Г.В. Баишев был обвинен в буржуазном национализме и в 1929 г. репрессирован.

К принципам терминологии и орфографии с самого начала отношение было неоднозначное. Очень авторитетные оппоненты П.А. Ойунского – языковед Г.В. Баишев, К.О. Гаврилов и их соратники – в конце 1920-х и в начале 1930-х гг. придерживались в орфографии морфологического принципа. К.О. Гаврилов был «морфологистом» с дореволюционных времен. Они считали необходимым в написании слов сохранять основу слова без изменения (атка, атчыт), ратовали за перенятие в якутский алфавит запасных букв, обозначающих русские звуки, чтобы интернациональные и русские термины орфографировать без изменения их основ, т.е. в русском начертании. После бурных дебатов орфографическая конференция, проведенная 29 декабря 1930 г., за основу якутской орфографии приняла фонетический принцип (П.А. Ойунский и его соратники).

Однако впоследствии П.А. Ойунский, под воздействием различных факторов и учитывая языковую практику, приближался к точке зрения своих оппонентов, которых он очень уважал [Слепцов, 1986]. В то время выдающийся лингвист акад. Л.В. Щерба, проф. Е.Д. Поливанов и особенно по отношению к якутскому языку тюрколог акад. А.Н. Самойлович считали необходимым разумное сочетание обоих принципов. Такова в целом была и установка I тюркологического съезда (Баку, 1926) и научного Совета Всесоюзного Центрального комитета ново-тюркского алфавита.

Современный социолингвист акад. В.М. Алпатов пишет что сильно русифицированные якуты легко приняли новгородовскую латиницу, может быть, из-за авторитета личности рано умершего С.А. Новгородова. Отчасти, конечно,

и так. Но дело в том, что новгородовская латиница была принята вскоре после победы Февральской революции на I Свободном съезде якутов и русских крестьян, и при поддержке П.А. Ойунского к 1923 г. С.А. Новгородов успел выпустить три букваря, одну хрестоматию и отлить большую массу шрифтов для своей латиницы. Кроме того, его начинание поощрялось и подчеркивалось знаменитыми учителями Е.Д. Поливановым, А.Н. Самойловичем и другими корифеями академической науки.

А что касается замечания о «сильно русифицированных якутах», то это совершенно верно. Дореволюционная и послереволюционная якутская интеллигенция, в целом хорошо по-русски образованная, имела вполне понятную русскую ориентацию. Как известно, А.Е. Кулаковский еще в 1921 г. написал статью, где выступил за принятие в якутской письменности русского алфавита, призывал «слишком не увлекаться идеей якутизации, стараться всеми мерами усваивать науки и культурные понятия, а следовательно, и термины старших народов, в данном случае – русских». С.А. Новгородов также считал заимствование терминов из русского языка «само собой разумеющимся».

Все заимствованные слова до середины 1920-х гг. орфографировались приближенными к прототипам. Таковы были привычные навыки старой интеллигенции.

Таким образом, если к разработке проблем орфографии и терминологии подходить конкретно-исторически, а не с позиции сегодняшнего дня, то можно объяснить и понять те колебания и метаморфозы, которые наблюдаются у П.А. Ойунского по этим вопросам. При этом следует думать, что он очень рано понял изменение политики партии и руководства страны, которые все жестче стали проводить курс на русификацию, которая при несбалансированной языковой политике объективно мешала свободному развитию и функционированию языков малочисленных народов.

П.А. Ойунский был и остается выдающимся деятелем языкового строительства Якутской АССР 1920–1930-х гг. Будучи лидером республики и неизменно возглавляя все комитеты и комиссии якутской письменности, непосредственно занимаясь разработкой основных вопросов якутского литературного языка, он воз-

главлял, направлял и организовывал всю эту многогранную и сложную работу, без которой невозможно представить духовное, культурное возрождение народа.

После ухода П.А. Ойунского вопросами развития якутского литературного языка занимались очень вяло, от случая к случаю, в основном ограничивались изредка обсуждением орфографии, в частности, орфографических словарей. В настоящее время в этой области предстоит очень серьезная работа. Следует подготовить монографические и научно-популярные работы, освещающие основные насущные проблемы литературного языка, создать и издать большие и средние (в том числе школьные) словари. При этом большие словари должны содержать различные косвенные грамматические формы.

Весьма актуальным является большой русско-якутский словарь, который, по утверждению Л.В. Щербы, будет способствовать обогащению и активизации лексической системы якутского литературного языка с помощью богатого русского литературного языка.

Следует подготовить и издать большой однотомный якутско-русский словарь, а также большой однотомный толковый словарь якутского языка, абсолютно необходимый для всего якутского населения. Подобный словарь должен быть строго нормативным, способствующим закреплению и пропаганде норм якутского литературного языка. Эти словари должны доходить до школ, учебных заведений и использоваться, изучаться как необходимые учебные пособия. Таким образом, следует распространять, изучать нормы литературного языка, как это делается в развитых странах.

Литература

Баранов И.Н. О якутизации // Автон. Якутия. – Якутск, 1922. – 15 янв.; 1924. – 8 июля; По заветам Ильича. – 1924. – № 5–6 и др.

Кулаковский А.Е. Якутский язык // Сб. тр. исслед. об-ва «Саха кэскилэ». – Якутск, 1925. – Вып.1. – С. 68–79.

Ойунский П.А. О целях якутизации // Автон. Якутия. – 1924. – 11 сент.

Пестун Е.Г. Дорогу якутскому языку! // Автон. Якутия. – 1923. – 22 нояб.

Слепцов П.А. А.Е. Кулаковский и судьбы родного языка // Кулаковский и время. – М., 2003. – С. 366–407.

Слепцов П.А. О языке первых якутских газет и журнала // Сахалы бастакы хаһыаттар, сурунаал. – Якутск, 2017. – С. 353–367.

Слепцов П.А. Творчество П.А. Ойунского и якутский литературный язык // Якутский язык: история и актуальные вопросы. – Якутск, 1986. – С. 3–17.

Слепцов П.А. Якутский литературный язык. Истоки. Становление норм. – Новосибирск: Наука, 1986. – С. 13–69.

Саха дойдута (Якутский край. 1907–1908); Саха олоҕо (Якутская жизнь. 1908–1909), журнал «Саха сангата» (Голос якута. 1912–1913).

Убрятова Е.И. Исследования по синтаксису якутского языка. – М.; Л., 1950. – 304 с.

P.A. Sleptsov

On Some Problems of the Yakut Literary Language

The modern Yakut literary language has its origins in the XIX century. In 1940 E.I. Ubryatova wrote that the enrichment of the literary Yakut language was facilitated by the fact that it included everything created earlier by the Yakut people – a small pre-revolutionary experience of the literary language that remained on the borders of various progressive publications and a rich experience of oral literary language and remarkable Yakut folklore.

The origins of the Yakut literary language can be found in the “Memoirs” of A.Y. Uvarovsky (1848), in missionary textbooks for the Yakuts, in translations of Church books, in “Samples of folk literature of the Yakuts” published by E.K. Pekarsky.

Yakut written texts to a wider circle of readers find in the Yakut departments of the first newspapers in the first Yakut magazine “Sakha Sagata”. The first works of writers A.E. Kulakovsky, A.I. Sofronov, K.O. Gavrilov, V.V. Nikiforov, well-processed folklore works collected by S.A. Novgorodov were printed on the pages of these publications.

Most of the original journalistic articles in these newspapers and magazines are rich, expressive, emotional and expressive style, it was an organic fusion of three elements: informal conversation, generalized forms of folk processed over dialect expression – the language of folklore and oratory. In general it should be concluded that in these publications first appeared, quite expressive sprouts special journalistic style – the colorful, ornamental, sometimes even alliteratively rhythmic syllable overlap quite noticeable expression in writing – literary origin, terminology the use of the Yakut words, their activation in contexts that give them unusual in everyday spoken language socio-political sense (these are for example words like: ‘kunya!’ freedom; kyrd’yk’ truth; ‘teng byraap’ equality, ‘sanga (erge) oloh’ new (old) life, etc.).

In the future, the fate of languages, their “well-being”, development and flourishing entirely depend on the state and prospects of a literary language. In our time and in the future, “just” everyday spoken language has no great prospects.

National literary language is a unifying, rallying force of the nation, ensures the continuity of generations and the progressive development of the nation on the path of progress and civilization. Thus, it is difficult to overestimate the national-social, social and cultural significance of the developed literary language.

Keywords: literary language, sources of literary language, pre-revolutionary experience of literary language, written texts, language of folklore, oratorical speech, expressions of written and literary, terminological use of words.

